

В битве под Москвой был развеян миф о непобедимости немецко-фашистской армии, потерпел провал фашистский план молниеносной войны. Успехи советских войск в зимней кампании 1941—1942 гг. поставили фашистскую Германию перед неизбежностью ведения затяжной войны (История второй мировой войны. 1939—1945 гг., т. IV, с. 301, 323). Все это воодушевило народы оккупированных стран Европы на борьбу с захватчиками. Один из участников освободительной борьбы чешского народа в письме из Праги писал: «Мы чувствуем на каждом шагу, как растет сознание собственного достоинства у каждого патриота, как сбавляется спесь у фашистских мерзавцев» (Коммунистический Интернационал, 1942, № 8, с. 33).

124

Из записи Министерства иностранных дел Чехословакии о телеграмме посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера министру иностранных дел Я. Масарику о высоком моральном духе советского народа и о его отношении к Чехословакии

Лондон

22 декабря 1941 г.

Посланник Фирлингер из Куйбышева в депеше за № 78 от 21 декабря 1941 г. сообщает, что под влиянием сообщений с фронта повсюду царит отличное настроение. Всюду наблюдается полное доверие к политическому и военному руководству. Армия усиливается в физическом и моральном отношении. В политических кругах Фирлингер слышал мнение, что население созрело за одну ночь и пришло к наивысшей степени понимания необходимости стойкости. Это настоящий патриотизм без шовинизма... * Отношение русского населения к нашим делам радушное и восторженное.

AFMZV, Praha, La Dův., Politické zprávy — SSSR 1940—1944, č. j. 4254/dův/41, krab. 114.
Подлинник. Перевод с чешского.

125

*Из письма ** посланника в СССР З. Фирлингера председателю Государственного совета Чехословакии П. Максе по вопросу о советско-чехословацких отношениях*

Куйбышев

4 января 1942 г.

...Я констатирую лишь факты и, пожалуйста, пусть никто не думает, что с моей стороны в этом есть что-то личное. Создавать внешнюю видимость дружбы по отношению к Советскому Союзу путем подчеркивания каких-либо абстрактных политических симпатий, конечно, недостаточно, когда кое-кто имеет принципиальные возражения против его режима и против методов осуществления внутренней и внешней политики и не в состоянии постичь действительного смысла сегодняшнего развития в Советском Союзе и во всем мире. Корректно относиться к советским дипломатическим представителям, обмениваться официальными поздравлениями и телеграммами — все это еще не может быть прочным связующим звеном между нами и Советским Союзом. Именно в этом заключалась ошибка столь многих наших людей, которые хотели «руководить» нашим сопротивлением. Они представляли себе это таким образом, что будет достаточно внешних дипломатических приемов и политического оппортунизма, и делали это с очень важным видом. Сегодня в отношениях между нами и Советским Союзом речь идет о гораздо

* Опущено изложение сообщений советской печати.

** Опущена часть текста об отношении З. Фирлингера к реорганизации правительства и Государственного совета Чехословакии.

большем, нежели о корректных отношениях. Речь идет об одном из наиболее важных этапов нашей истории, об окончательном решении нашего отношения к Германии и о постоянных гарантиях нашего положения в Европе...

...Никакой псевдолиберальный строй не будет иметь в Москве той поддержки, которая ожидается. Было бы ошибочно полагать, что признание лондонского правительства Советским Союзом¹ означает полную незаинтересованность в наших внутривнутриполитических делах. Я думаю также, что многие наши люди переоценивают значение английского консервативного лагеря или же свои собственные желания выдают в качестве политики, диктуемой необходимостью учета международной ситуации. Так было при Даладье во Франции и при Чемберлене в Англии. На самом деле подобная политика устраивала многих наших людей, и поэтому они придерживались ее. Однажды их удивит безразличие к нашим делам со стороны Англии и Америки, которые будут иметь достаточно своих собственных забот, а также совершенно иные сферы интересов.

Пожалуйста, прими несколько этих замечаний в качестве комментария к моей телеграмме *, которую я недавно послал, когда я получил сообщение о реорганизации нашего правительства². Сообщи, пожалуйста, об этом президенту, которого мне не хочется затруднять в его делах подобной корреспонденцией. Как я уже отметил, мне неизвестна закулисная сторона тех изменений, которые произошли. Мне неизвестно, с какими личными мотивами, играющими, к сожалению, в нашей эмиграции столь значительную роль, нужно было считаться. Все-таки кабинет из 14 министров для эмигрантского правительства маленького государства мне кажется чересчур импозантным. Кроме двух министров иностранных дел, у нас фактически два министра национальной обороны³, что не может отвечать ни нашим внешнеполитическим задачам, ни размерам нашей армии.

Fierlinger Z. Ve službách ČSR, Praha, 1949, díl 2, s. 38—41.

Перевод с чешского.

¹ См. док. 82.

² Речь идет о «реорганизации» правительства Чехословацкой Республики 27 октября 1941 г. (см. примеч. 4 к док. 75).

³ В правительство входили в качестве министра иностранных дел Я. Масарик и как государственный министр Министерства иностранных дел — Г. Рипка. Министром национальной обороны был генерал С. Ингр, а государственным министром Министерства национальной обороны — генерал Р. Виест.

126

Из записи беседы президента Чехословакии Э. Бенеша с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом об отношении Великобритании и Советского Союза к Мюнхенскому договору

Лондон

21 января 1942 г.

...Президент пространно изложил Идену вопрос о границах и решении германской проблемы. Он убедительно разъяснил, что мы, т. е. Англия и мы, должны быть заинтересованы в том, чтобы именно по этим вопросам договориться как можно скорее. Мы должны считаться с тем, что не исключено, что с Германией будет покончено уже в конце:

* Не публикуется.